

*О. М. Вербицкая (Иркутск, Россия)
Иркутский государственный университет*

К вопросу о культурном противоборстве: в вечном поиске взаимопонимания (на материале романа Ю. Шиловой «Замуж за египтянина, или Арабское сердце в лохмотьях»)

В статье анализируются межкультурные и межконфессиональные конфликты, которые происходят между интерактантами, принадлежащими к разным лингвокультурным социумам. Производится попытка выявления барьеров, мешающих обеспечению эффективности межкультурной коммуникации. Практическая значимость заключается в рассмотрении коммуникативных особенностей между представителями русской и арабской культур, что ранее не изучалось в качестве доминирующего предмета исследования.

Ключевые слова: межкультурный конфликт, коммуникативная неудача, речевые партии, толерантность, этноцентризм

It takes all sorts to make a world

Диалогическая речь как форма общения достаточно хорошо изучена, тем не менее, в лингвистической литературе мало обсуждалась проблема неуспеха в речевом взаимодействии и возникающие в ходе неуспешной коммуникации неудачи общения. Целью настоящей статьи является рассмотрение конфликтного речевого взаимодействия, а также причин возникновения и специфики коммуникативных неудач, имеющих место в ходе общения между представителями двух разных лингвокультур – арабской и русской, – в романе Ю. Шиловой «Замуж за египтянина, или Арабское сердце в лохмотьях».

Действие романа происходит в современном Египте, в курортном городе Хургада. Главные герои – русская девушка Валентина и египетский парень Валид, вступившие в интернациональный брак. Красивая сказка быстро заканчивается, и бедная россиянка с ужасом осознает, какую роковую ошибку допустила, связав судьбу с человеком другой веры и культуры. В первые же дни совместного проживания молодой четы начал проявляться конфликт разных поведенческих стереотипов и мировоззренческих особенностей двух коммуникантов:

«– Никогда не говори про мою семью плохо, – ледяным голосом заговорил Валид. – Ты – моя жена. Тебя здесь любят, и ты обязана всех любить. И не надо выставлять меня дураком. Если ты вошла в комнату к мужчинам, то должна просто поднести всем чай и тут же уйти. А ты стала высказывать свое недовольство по поводу моего общения с мужчинами, гашиша и ужина. Не делай так никогда, ты должна знать свое место, женщина.

Потрогав воспаленное ухо, я тихонько всхлинула и спросила с обидой в голосе:

– Ты что, с ума сошел, что ли? Кто дал тебе право поднимать на меня руку?!

– Я твой муж, – упрямо повторил Валид и сверкнул в мою сторону недобрым взглядом.

– Я не сказала о твоей семье ничего плохого. Я просто сказала, что меня плохо приняли. Могли бы и получше, я все-таки тебя из тюрьмы вытащила. Не каждая девушка стала бы продавать квартиру для того, чтобы привезти тебе двадцать тысяч долларов. Я считаю, что за такие бабки можно быть и погостеприимнее» [92-93].

Следующая коммуникативная неудача связана с недостаточным владением одним из коммуникантов языковым кодом и, как следствие, его неспособностью понять фигуральное выражение, столь распространенное в русском языке:

«– Осторожно, опухшее ухо!

– Болит?

– Ну а ты как думаешь?

– Пройдет...

– До свадьбы заживет, – попыталась пошутить я.

– Раньше.

– Что значит раньше?

– Ухо заживет раньше.

– Как?

– Так...

– Это у нас так в России говорят» [94].

Свадебные гулянья только планировались в будущем, и египтянин понял выражение «до свадьбы заживет» буквально.

И еще один аналогичный пример, когда идиоматическое выражение остается непонятым:

«– У меня пока хорошая память. Все ясно: мои серьги там же, где и пятьсот долларов. А сережки жалко – красивые и дорогие. Вот уж не думала, что они могут накрыться медным тазом.

– Каким еще тазом? – не понял меня Валид и, взяв за руку, по-хозяйски повел к выходу. Меня удивило то, что на прощание Валид даже не перемолвился со своими родными и парой слов. Я ожидала, что он скажет им про потерянные сережки, но этого не произошло. Значит, я попала в самую точку. Мои любимые серьги украли, и продолжать дальше разговор не было смысла» [145].

Став жертвой конфликтного взаимодействия двух культур, девушка подверглась еще одному испытанию: ее возлюбленный оказался брачным аферистом, зарабатывающим на жизнь обманом простодушных женщин.

Кулинарные предпочтения мужа и жены тоже не совпадают:

«– Валид, а может, я тебе лучше русский борщ приготовлю? Пальчики оближешь! – Вспомнив о борще, я проглотила слюну и подумала о том, что даже при упоминании о русской пище у меня не на шутку разыгрался аппетит. – Я, правда, в Москве борщ из свинины варю...

– Свинина запрещена исламом, – с особой брезгливостью напомнил Валид. – Я мусульманин.

– Я знаю. Но я смогу сварить борщ из другого мяса или даже из курицы. Без проблем! Я такие борщи варю! Да тебе и не может не понравиться – это же так вкусно!

– Мне не нравится русский борщ, – резко ответил Валид. – Это не мужская еда» [137].

И далее:

«– Валя, я люблю тебя. Когда у нас будет много денег, мы обязательно сыграем богатую свадьбу. Ты будешь самой красивой невестой. На свадьбе для гостей будет накрыт шикарный стол, а украшением его станут фаршированные рисом голуби.

– Что? Разве голубей фаршируют? Вообще, как можно их есть? Это ужасно, – слабо возразила я и поморщилась от брезгливости.

– Это очень дорогое и необычное блюдо, ты не найдешь его ни в одном ресторане.

– А я и искать не хочу. Я не представляю, как можно есть голубей, в них же одни кости.

– Их едят вместе с костями. Это очень вкусно, поверь.

– Не знаю, вкусно это или нет, но мне стало плохо от одного твоего рассказа. У нас на свадьбах молодые выпускают голубей в небо, это очень красиво. В основном новобрачные приезжают на Поклонную гору. Красиво, когда молодые держат в руках белоснежных голубей, а потом отпускают их в небо. Боже мой, а у вас их едят. Там же есть нечего.

– Это очень вкусно и очень дорого.

– То, что дорого, не всегда вкусно. У нас некоторые сорванцы в голубей из рогаток стреляют. Гады, сама бы им руки поотрубала за такие дела! Иногда на улице после подобных жестоких забав валяютсядохлые голуби, никому и в голову не приходит их оципать, нафаршировать рисом и съесть. Уж если для вас свинья – грязное животное, то можно подумать, что у голубей мясо чистое. Голуби – это вообще разносчики инфекций, они же на помойках сидят.

– Это очень вкусно и дорого, – словно робот повторял Валид. Видимо, его очень грела мысль о том, что на нашей свадьбе фаршированные голуби будут самым красивым и дорогим блюдом» [148-149].

Следует отметить, что при непосредственном контакте с восточной культурой различия осознаются на уровне не только кухонной утвари, одежды, пи-

щевое рациона, но и в различном отношении к женщинам, детям и старикам, в способах и средствах ведения дел.

Как видим, знания только вербального кода и правил его использования недостаточно для успешного общения с носителями других языков: необходимо владеть внекодовыми, фоновыми знаниями, элементами невербального культурного кода. Именно такие знания помогут избежать коммуникативных провалов при общении. В теоретических работах культура сравнивается то с программой, заложенной в голову человека, то с экраном, стоящим между ним и миром, то с инструментом в его руках. По мысли С. Г. Тер-Минасовой, мир нам дан вовсе не в ощущениях, а в сложном образом организованных интерпретациях этих ощущений [2]. Интерпретационная модель и есть культура.

Между супругами не возникает взаимопонимания и в вопросе будущей трудовой деятельности жены. Мысль о возможности зарабатывания денег совершенно недопустима для молодого египтянина:

«– Валид, а может, я тоже пойду работать?»

– Куда? – не ожидал от меня такого вопроса супруг.

– В любой отель. На рецепцию или гидом. Я хорошо знаю английский язык и буду потихоньку учить арабский. А что мне дома-то сидеть? Ребенка все равно пока нет. Когда родится ребенок – тогда другой разговор. Я ведь нормальная, трудоспособная девушка.

– Ты должна готовить обед и ждать мужа с работы, – в глазах Валида вспыхнул злобный огонек.

– Когда я была туристкой...

– Не напоминай мне про этих пляжных девок, – нервно перебил меня муж.

Не обращая на него никакого внимания, я сделала вид, что его не услышала, и продолжила свою мысль.

– Когда я была туристкой, я видела наших русских девушек, вышедших замуж за египтян. Они не кутались в платке, не сидели с кастрюлями дома, а работали на рецепции отелей, гидами, встречали туристов в аэропорту. И никто их ни в чем не упрекал, все относились к ним очень даже хорошо, с уважением. Пока у нас нет достатка в доме, я тоже могу работать и зарабатывать.

– Мне гордость никогда не позволит отпустить тебя на работу. Ты не будешь работать!

– Но почему?

– Что ты пристала ко мне со своими вопросами? Ты должна слушать своего мужа и помалкивать. Вы, русские, уже давно делитесь по половому признаку на «шармут», что означает по-нашему «проститутка», и алкашей. Так запомни, работают одни проститутки, а нормальные женщины, которые любят своих мужей, сидят дома» [150-151].

В вышеприведенном фрагменте имеет место коммуникативная неудача, возникающая вследствие того, что картины мира коммуникантов не совпадают и египтянин субъективно расставляет акценты в координатах «свой – чужой». Следует отметить, что языковая картина мира являет собой отраженную в специфически национальных языковых формах и семантике языковых выражений совокупность представлений о человеке и окружающем его мире, сотканную подчас из противоречивых тезисов, фактов, утверждений, которые соединены мозаичным (несистемным) образом и создают у носителя языка иллюзорную уверенность в возможности найти ответы на все основные вопросы бытия в рамках своей национальной культуры. Поскольку две национальные культуры никогда не совпадают полностью, то отсюда следует высокий риск коммуникативных осечек в процессе лингвокультурного взаимодействия. Более того, молодой араб нарушает принцип терпимости, как необходимого принципа гармонизации общения. Терпимость – этическая норма, предполагающая спокойное отношение к возможным расхождениям во мнениях, неприемлемость резкой критики взглядов собеседника, уважение мнения других людей, стремление к пониманию точки зрения собеседника. Следует отметить, что в сознании носителей языка толерантность предполагает *интолерантность* в качестве своего неперемного коррелята, поэтому в пространстве исследуемого лингвокультурологического поля располагаются единицы, имеющие по отношению к ядерной номинации обратный знак, – нетерпимость, агрессивность, преследование, насилие, диктат, враждебность, запугивание, конфликтность. Этноцентрическая позиция говорящего отмечена всеми вышеперечисленными понятиями, характерными для лингвокультурологического пространства интолерантности. Соответственно, речевая реакция русской девушки выражает раздражение и непонимание:

«– В Египте работают многие женщины, и я не понимаю, почему ты не хочешь мне разрешить работать? Что у тебя за дурацкие принципы? Все работающие женщины очень даже порядочные, их мужья ими только гордятся.

– Работают только проститутки, – муж дал понять, что спорить с ним бесполезно. – Мое слово для тебя – закон. Я люблю тебя, я заработаю денег. Потерпи. Придет время, и мы будем богаты. Я беспокоюсь о тебе, потому что хочу быть твоей слезой, чтобы родиться в твоих глазах, жить на твоих щеках и, скатываясь вниз, умирать на твоих нежных губах.

– Это я уже слышала, – грустно сказала я и с трудом сдержала появившиеся на глазах слезы» [151].

Попутно заметим, что цепочка метафор в речевой партии мужчины, столь свойственная его языковой личности восточная орнаментальность речи не оказывает должного воздействия на женщину. Таким образом, данный коммуникативный ход, направленный на решение конкретной задачи в рамках избранной речевой стратегии (а именно вызвать реакцию благодарности и смирения), не приносит своих плодов. Коммуникативное намерение говорящего не достигает

своей цели, и более того, вызывает обратный эффект. Выспренние восточные речи, раньше приводившие девушку в восторг, не приносят ей больше ничего, кроме разочарования. Пышные фразы, идущие вразрез с делами, становятся причиной очередного коммуникативного сбоя в общении. Валид стремится урегулировать конфликт, но такое решение может быть продиктовано двумя мотивами. Первый фактор, когда субъект пытается разрешить конфликт путем преимущественного продвижения своих планов, для чего использует силу, проявляет враждебность, прибегает к агрессии, в том числе и речевой. Необходимо отметить, что агрессивность является наиболее простой реакцией индивида на самые разнообразные ситуации, следовательно, и речевая агрессия (как реакция на вербальные и невербальные раздражители), являющаяся следствием напряженности в общении, возникает достаточно легко. Напряженность в общении может создаваться коммуникантами как преднамеренно, так и непреднамеренно, в силу «незнания этикетных, конвенциональных норм и принципов общения, культурных стереотипов. При контакте разных речевых культур напряженность выступает как... следование групповым и индивидуальным нормам, не совпадающим между собой или с нормами общекультурными» [3: 275]. Без специальных усилий напряженность, как правило, перерастает в агрессивный речевой акт. Второй мотив, которым может руководствоваться коммуникант, это истинное, а не притворное толерантное поведение, предполагающее использование тактик уступчивости, компромисса, сотрудничества. Однако молодой араб ни разу не встал на позиции толерантности. С точки зрения этики толерантность представляет собой норму цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами и готовность принятия чужих взглядов. Толерантность сегодня выступает как условие сохранения разнообразия современного мультикультурного мира. Исторически и по существу она является альтернативой насилию в конфликтах, обусловленных противоположностью мировоззренческих позиций, то есть представляет собой эффективный способ их разрешения. Толерантность делает возможным сотрудничество между индивидами, которые придерживаются несовместимых убеждений и верований. Проблема толерантности в условиях этнических, социальных, политических, религиозных различий становится актуальнейшей проблемой, требующей интердисциплинарного исследования.

К коммуникативным неудачам, согласно концепции Е. А. Земской и О. П. Ермаковой, относится также и «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [1: 31], в котором, по мнению авторов, и выражается взаимное непонимание речевых партнеров. Такой эмоциональный негативный фон всегда сопровождает речевые партии вышеупомянутых персонажей. Чувства растерянности, недоумения, гнева и бессилия являются последствиями кросс-культурного непонимания.

Следующий ряд коммуникативных помех связан с проблемой адекватности понимания речи. Во время разговора с таксистом россиянка нарочито выражает свое недовольство арабским менталитетом на вербальном уровне, откровенно перейдя на инвективную лексику, а ее собеседник, недостаточно владея языковым кодом, воспринимает все услышанное как знак одобрения. Данные коммуникативные неудачи мастерски используются автором романа с целью создания комического эффекта:

«– Ты очень красива, – улыбнулся мне таксист, обнажив свои гнилые лошадиные зубы. Помимо того, что он назначил довольно высокую цену, он еще решил со мной пофлиртовать в надежде на то, что из этого флирта что-то получится.

– Ты одну фразу по-русски выучил или еще другие в арсенале имеются?

– Русский любит халява, – продемонстрировал мне знание русского языка арабский водитель.

– Сам ты халява, пугало наряженное. Ты тогда в последний раз свой вонючий халат стирал, когда лазил по деревьям за бананами? Добрячком прикидываешься? Любви хочешь? Что, ваши тетки вам не дают, так вы на нашего брата перешли? Каждый из вас только и мечтает, чтобы стать любимой макакой русской женщины. Вы же и любить-то не умеете, не дано вам это. Вы даже самые чистые отношения в грязи извлекаете и из всего, что угодно, извлечете выгоду. То, что для нас любовь – для вас обычные трудовые будни. Верно я говорю?

Видимо, таксист выучил только две русские фразы – те, которые он произнес, поэтому араб утвердительно кивал мне головой и улыбался, думая, что я ему делаю комплименты

– У тебя есть русская девушка? – спросила я его уже по-английски. В отличие от моих соотечественников, которые не владеют ни одним языком, кроме русского, египтяне неплохо знают английский, потому что понимают, что от знания языка зачастую зависит их заработок.

– Да, – кивал он головой.

Я и не сомневалась. Даже если бы я спросила у погонщика верблюдов, есть ли у него русская девушка, то он бы мне тоже ответил, что есть.

– И не одна, – похвастался таксист» [188].

Следующий пример иллюстрирует иронию, зиждущуюся на неадекватном понимании замысла говорящего одной из сторон, вступивших в речевое взаимодействие. Напомним, что адекватность понимания речи включает не только точное восприятие значения высказывания, но также правильное понимание его эмоциональной окраски и коммуникативных намерений собеседника (т.е. то, что принято называть прагматикой речи). Если в вышеприведенном примере таксист был не способен вообще ничего понять из адресованного ему, то нижеследующий фрагмент представляет собой любопытный случай того, как

искусственный билингв, довольно хорошо владеющий неродным языком, не способен «считать» иронический подтекст высказывания. Россиянка облачает свое презрение в форму комплиментов, а ее египетский муж воспринимает их буквально, совершенно не чувствуя иронии:

«Валид пришел с работы какой-то нервный и, скинув с себя блестящие ботинки, прошел в комнату. Я сразу обратила внимание на его новую обувь и отметила про себя, что она неплохого качества.

– У тебя новые ботинки?

– Тебе нравятся?

– Да.

– Я у Саида купил. По-моему, неплохие.

– По-моему, – тоже.

– Я же у тебя бизнесмен, а бизнесмен должен ходить в дорогой обуви.

При слове «бизнесмен» меня слегка передернуло, и я с трудом удержала себя от того, чтобы не высказать Валиду все, что я думаю по этому поводу.

– Конечно, любимый. Конечно, – только и произнесла я.

– В нашей стране о достатке мужчины судят по его обуви. Если ты не можешь позволить себе купить хорошие ботинки, значит – ты нищий. Можно ходить в штанах с дырками, но, если ты носишь дорогие ботинки, значит – ты состоятельный человек.

– Боже мой, как же у вас все не по-людски, – заметила я, но муж проигнорировал мое замечание.

– Я подумал о том, что у такой красавицы с белоснежной кожей и светлыми волосами должен быть только состоятельный муж-бизнесмен, такой, как я.

– Надо же, как у вас все просто, купил ботинки – и ты уже крутой. Можно сказать, олигарх. И это ерунда, что за душой ни копейки и ты сигареты стреляешь, главное, что у тебя дорогая обувь.

Получается, что если у тебя крутые ботинки, то весь мир лежит у твоих ног.

Мой муж вновь не понял мой тонкий юмор, и я продолжила:

– Знаешь, а у нас состоятельность человека определяется не по ботинкам. Важно, какое социальное положение этот человек занимает, сколько зарабатывает, какой у него ежегодный доход, какой недвижимостью он владеет. А у вас все так просто: купил ботинки и попал в разряд богачей.

– Я рад, что тебе понравились мои ботинки, – улыбнулся Валид и протянул мне поролоновую губку. – Это я тебе купил.

– Мне? Зачем?

– Ботинки дорогие. Их нужно чистить» [166-167].

Конец диалога очень показателен, поскольку построен на таком принципе выдвижения, как эффект обманутого ожидания. Автор сначала формирует чи-

тательский горизонт ожидания, а затем резко разрушает его. Позиция восточного мужчины в отношении места женщины в его жизни предельно ясна. Однако его русская жена придерживается иного мнения на этот счет, и это вызывает еще один коммуникативный провал в общении между супругами. Здесь налицо различия в аксиологическом кодексе языковых личностей партнеров по общению. Данная коммуникативная неудача порождена не устройством языка, а несовпадениями в коммуникативном кодексе участников диалога, составляющем ценностную основу культуры общества и представляющий собой комплекс поведенческих норм общества, определяющих социальный статус человека.

Итак, мы рассматриваем межкультурную коммуникацию как общение языковых личностей, принадлежащих разным лингвокультурным сообществам. Общение между такими коммуникантами является не только вербальным, но и невербальным. Специфика межкультурной коммуникации наиболее явно проявляется при анализе отрицательного материала, то есть коммуникативных неудач, которые не только мешают общению, но и провоцируют межкультурные конфликты. Возникновению конфликта способствует использование пренебрежительной лексики дискриминирующей человека по признаку принадлежности к определенной национальности или расе (макака, обезьяна, абориген). Заметим, что представительница русской лингвокультуры позволяет себе употребление такой пейоративной лексики, что отнюдь не способствует коммуникативному оптимуму дискурса. Важно отметить, что не всякая коммуникативная неудача перерастает в конфликт. Конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе общения по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими негативными средствами не только языка и речи, но и паравербальными средствами. Так, партнер по коммуникации россиянки (в нижеследующем фрагменте – это Ахмед, брат мужа) игнорирует все правила приличия, нарушает все максимы вежливости и доходит до оскорблений:

«– Ты – русская пляжная проститутка.

– Да какое ты имеешь право так говорить?

– Все русские женщины, не мусульманки, всегда проститутки. Вы все прилетаете сюда погулять с нашими мужчинами. Вас уже не удовлетворяют ваши русские Иваны, и вы все летите сюда, переслав у себя на родине с массой мужчин. В Египте вы все называете себя женами, а ведь вы обыкновенные развратные туристки, прилетающие за сексом в страну, где добрачные интимные отношения не считаются нормой. Порядочные женщины – только египтянки, а ты не родилась на Востоке. Ты родилась в стране, где секс является нормой. Ты не имеешь к исламу никакого отношения. Ты – обыкновенная русская проститутка, которую я сейчас хочу иметь без презерватива» [163].

Здесь мы имеем дело с однонаправленным конфликтом, когда субъект коммуникации ведет себя агрессивно, совершая вербальное нападение на девушку, и требует от нее физической близости, угрожая ей египетской тюрьмой. (Дело в том, что по вине Валентины случайно погиб еще один брат ее мужа, а свидетелем его ухода их жизни стал Ахмед, использовавший увиденное в своекорыстных целях). Бедная девушка, на которую направлены конфликтные действия, уклоняется от конфликтного противодействия, не предпринимая никаких шагов подобного рода. Она прибегает к тактике лжи, убеждая араба в своей беременности, и умоляет его о пощаде, чем и «гасит» конфликтное диалогическое взаимодействие. Однако бывают и такие речевые ситуации, когда Валентина отвечает обидчику тем же, и стороны уже вступают в другую форму диалогического взаимодействия, именуемую обоюдным конфликтом:

«Ахмед осмотрел меня с ног до головы. Ему было в диковинку то, что я не одела свою бесформенную бабскую юбку, а стою перед ним в обтягивающем, достаточно откровенном платье.

– Ты что так оделась? – строгим голосом спросил меня он.

– Как?

– Как пляжная девка!

– А у нас в России в хиджабах не ходят. У нас все так одеваются, – язвительно ответила я и с такой силой прикусила нижнюю губу, что почувствовала во рту вкус крови.

– Если ты хочешь напомнить мне о том, что в вашей стране живу одни шалавы, то лучше не стоит. Это и так всем известно.

– Давай не будем переходить на оскорбления, а то ведь я могу напомнить о том, кто проживает в вашей стране.

– Кто?

– Наверно, ни в одном городе нет такого количества жиголо, как в Хургаде. Ваш город нужно было назвать не Хургада, а Жиголо-гады. Хорошее название для вашего города!

– Молчи, женищина! – разозлился не на шутку Ахмед» [192-193].

Девушка и дальше прибегает к конфронтационным тактикам: издевки, колкости, провокации, употребление в речи агнонимов (т.е. таких слов и оборотов речи, которые иностранцы, как правило, не знают):

«Положив мобильный в карман, я взяла у Ахмеда свою пляжную сумку и пошла к морю.

– Ты куда? – бросился следом за мной Ахмед.

– На кудыкину гору воровать помидоры, – издевательски ответила я и остановилась. <...>

– Ты должна переодеться, – стоял на своем Ахмед.

– Да никому я ничего не должна. Ты знаешь, мне в этой одежде намного комфортнее, чем в хиджабе. Правда, я в хиджабе никогда не ходила, но могу представить, насколько погано в нем себя чувствуешь.

– Ты не должна ходить по городу без мужчины. Я должен везде быть с тобой. Валид сказал, что тебе можно немного посидеть у моря, только я должен быть рядом.

– Если тебе хочется быть рядом, то пожалуйста. Сначала зайдем в какой-нибудь бар, я куплю себе спиртного, а затем пойдём на море. Мне хочется пить и смотреть на прибой.

– Пока муж находится на работе, ты очень плохо себя ведешь, – укоризненно покачал головой Ахмед, пока мы шли за спиртным. – Так ведет себя только падшая женщина!

– А так, как ведет себя Валид, может вести себя только падший мужчина» [194-195].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что даже в случае, если коммуниканты владеют общим языковым кодом, всегда есть противопоставление «свое-чужое», где «свое» оценивается как положительное, а «чужое» как плохое. При этом за каждой интерпретацией стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире, об эстетических и социально-нравственных нормах поведения людей. В данном случае «чужим» в широком смысле слова является и незнакомый язык, и не свойственные реципиенту стандарты смыслового восприятия мира, и иная система культурных ценностей.

Таким образом, результаты межкультурного общения отрицательные. Заметим, что вследствие неофициальности ситуаций разговорной речи ее отличительной чертой является экспрессивно-эмоциональный характер, табуированная и инвективная лексика, порождающие коммуникативные сбои в общении. Также дискурс коммуникантов характеризуется симптомами (которые в нашем конкретном случае больше присущи мужчинам-египтянам) национализма, ксенофобии, религиозной нетерпимости и сексизма.

Подводя итоги, следует отметить, что, становясь участниками любого вида межкультурных контактов, люди взаимодействуют с представителями других культур, зачастую существенно отличающихся друг от друга. Отличия в языках, национальной кухне, одежде, нормах общественного поведения, отношении к выполняемой работе порой делают эти контакты сложными и даже невозможными. Но это лишь частные проблемы межкультурных контактов. Основные причины их неудач лежат за пределами очевидных различий. Они – в различиях в мироощущении, то есть в ином отношении к миру и другим людям. Главное препятствие, мешающее успешному решению этой проблемы, состоит в том, что мы воспринимаем другие культуры через призму собственной, поэтому наши наблюдения и заключения ограничены ее рамками. С большим трудом мы понимаем значения слов, поступков, действий, которые не харак-

терны для нас самих. Наш этноцентризм не только мешает межкультурной коммуникации, но его еще и трудно распознать, так как это бессознательный процесс. Отсюда напрашивается вывод, что эффективная межкультурная коммуникация, не может возникнуть сама по себе, ей необходимо целенаправленно учиться. В условиях столкновения непримиримых менталитетов, необходимо искать новые пути для налаживания толерантного кросс-культурного диалога. Адекватная коммуникация невозможна без усвоения знаний лингвокоммуникативной культуры страны изучаемого языка. Следовательно, в современном мире особую важность приобретает умение понимать и уважать языковую и поведенческую специфику народов других стран, а также владеть сведениями об особенностях коммуникативного поведения и ментальности носителей других языков, изучать эти особенности вместе с изучением собственно языка для адекватного осуществления межкультурной коммуникации. Для того, чтобы толерантность стала составной частью менталитета, чтобы толерантный тип поведения возобладал над агрессивностью, необходима серьезная психологическая, речеведческая подготовка и длительный период активного обучения. Только при таком подходе конфликтные ситуации возможно свести к минимуму и достичь подлинного взаимопонимания между представителями различных этносов, социальных слоев, между носителями различных лингвокультур.

Литература

1. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. М.: Рус. яз., 1993. С. 30-64.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. С. 14.
3. Шалина И. В. Коммуникативно-речевая дисгармония: ее причины и виды // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
4. Примеры цитируются по книге: Шилова Ю. В. Замуж за египтянина, или Арабское сердце в лохмотьях. М.: Эксмо, 2006. 384 с.

УДК 81

*В. В. Вишневецкая (Новороссийск, Россия)
Новороссийский политехнический институт (филиал)
Кубанского государственного технологического университета*

Дифференцированный аспект синонимичности английских глаголов (на материале творчества Томаса Майна Рида)

В статье анализируются глаголы-синонимы одного видового ряда, даны их отличительные характеристики, которые представлены в художественных произведениях приклю-